

Расчеловечивание и ценностный конфликт России с Западом

Оборотной стороной колоссальных возможностей, которые дают информационные технологии, стала концентрация человечества на преобразовании уже не окружающей среды, но себя самого. Человек как биологический вид и социальная общность всей своей историей и накопленным опытом приспособлен к изменению мира, и переход к изменению себя (пока в виде трансформации своего сознания и восприятия) закономерно порождает многообразный шок.

Среди прочего, эта трансформация проявляется как расчеловечивание, дегуманизация, наблюдаемые на современном Западе: сексуальные извращения как “новая норма”, агрессивно навязываемая всем обществам и всем поколениям, оборачивающаяся торговлей детьми ювенальная юстиция, поощрение исламского терроризма, поддержка нацизма (пока украинского) и насаждение русофобии на государственном уровне, отказ от реальности в пользу самой оголтелой идеологизации и пропаганды, чудовищная жестокость вроде бы милых и добрых поодиночке людей. . . Список можно продолжать долго, но входящие в него явления – не помутнение сознания, а результат трансформации уже не только общества, но и личности в соответствии с объективными требованиями информационных технологий и под их влиянием.

Информационные технологии создают возможности новых рынков, но, чтобы создать эти рынки и начать на них зарабатывать, приходится отказываться от многого из того, что мы привыкли считать человеческим.

Вакханалия разного рода поведенческих отклонений (порой переходящих в психические) и провозглашение их Западом “новой нормой” в значительной степени вызваны интересами бизнеса: новые нормы поведения открывают новые рынки потребления, приносящие прибыль.

Это уже обнажило ценностный, непреодолимый разрыв между русской и западной цивилизациями, превративший в последние три года рутинную конкуренцию в подлинный взрыв ненависти и непонимания.

Западная цивилизация в её нынешнем виде создана капиталом как инструмент извлечения прибыли. И, когда оказалось, что для её увеличения нужно трансформировать человека, вылепить из него, как из пластилина, нечто совершенно непривычное, а порой и шокирующее (ведь то, что мы полагаем извращениями, создаёт новые рынки и меняет потребительское поведение), западная цивилизация, существующая ради денег, не испытала и тени сомнения.

Русская цивилизация исходит из первичности не прибыли, но человека. Деньги для нас — необходимое, но всего лишь подтверждающие справедливости своих действий и образа жизни. И когда оказалось, что ради денег надо расчеловечиться, мы не увидели здесь ситуацию выбора точно так же, как не увидел её Запад, но со строго противоположным результатом: при всех наших недостатках и даже пороках, мы остались людьми.

Валдайская речь президента Путина 2013 года, провозгласившая наше право и обязанность жить по своим ценностям, была именно об этом. Повод был ничтожным — неприятие гомосексуальной пропаганды среди детей (как и в целом их сексуального развращения): пусть сначала дорастут до 18 лет, а уже потом делают с собой всё, что взбредёт им в головы и другие части тела. Российское общество даже не осознало, что этой речью зафиксировано наше принципиальное, ценностное отличие от Запада, зато Запад понял это хорошо, ответив организацией украинской катастрофы и возрождением государственного нацизма как единственно действенного инструмента уничтожения русскости.

Россия выстояла под ударом Запада, Россия дождалась, когда провозглашённая президентом Путиным патриотическая революция, опирающаяся на обычные человеческие ценности, с победой Трампа получила шанс стать глобальной (как с победой Рейгана стала глобальной либеральная контрреволюция Тэтчер).

Пришло время от обороны переходить в наступление, создавая глобальные структуры, которые будут опираться на традиционные ценности так же, как глобальные спекулянты опирались на ценности либерализма.

Однако перед этим надо чётко осознать, что расчеловечивание в соответствии с потребностями информационных технологий отнюдь не является ни социальным прогрессом, ни объективной неизбежностью. Точно так же сохранение человеческих качеств, пусть даже и сокращающее ёмкость рынков и их число, не является обречённой на провал тщетной попыткой цепляться за отжившее прошлое. Ведь социальный прогресс возникает не из подчинения изменившейся внешней среде, а из преобразования её в соответствии с потребностями личности, но человечности, которую она может в себе и не воплощать.

Подчинение изменившимся внешним условиям, приятие их, капитуляция перед ними, толерантность к ним отнюдь не означает гарантии успеха — ни для общества, ни для индивида. Классический пример — ледниковый период: подчинившиеся изменению внешних условий человеческие племена либо вымерзли, либо откочевали в тёплые края, где и прожили с весьма умеренным прогрессом вплоть до прихода колонизаторов. И лишь оставшиеся, не подчинившиеся неблагоприятным условиям, а сопротивлявшиеся им, ценной чудовищных усилий и жертв (абсолютно бессмысленных с точки зрения рукопожатных общечеловеков, перенесись они в ту реальность), научились добывать и сохранять огонь, охотиться на животных и одеваться в их шкуры и дали тем самым начало современной цивилизации.

Сравнение нынешнего технологического вызова с тогдашним природным вполне правомерно: подобно тому, как первобытный человек жил в “первой”, естественной природе, а человек индустриальной эпохи — во “второй”, технологической, образованной транспортной и энергетической инфраструктурой, мы во многом живём уже в “третьей” природе — в ментальной инфраструктуре, созданной социальными сетями и технологиями формирования сознания.

И подчинение новым требованиям изменившейся внешней среды, как и в ледниковый период, отнюдь не гарантирует нам ни прогресса, ни даже выживания. Более того, насколько мы видим по на глазкам начавшему вымирать Западу (население США растёт за счёт роста рождаемости у мигрантов), в отличие от нас не испытывавшему геноцида либеральных реформ, и по самоубийству Европы с помощью принципиально не интегрируемых “беженцев”, подчинение объективным требованиям и расчеловечивание означает не создание новой цивилизации, а лишь уничтожение старой под благовидными предлогами прогресса и прибыли.

Потому что на повестке дня — вопрос или самоуничтожения человечества в силу подчинения беспощадным внешним требованиям, или наш прогресс и выход на невероятный, не предсказуемый ныне уровень — через сопротивление неприемлемому, в какие бы одежды радикальной новизны оно ни рядилось, и переработки его в новое качество.

Ключом к будущему является не изменчивость, а культурная матрица, и неизменное везение Русского мира заключается в специфике русской культуры, уникально и неистребимо сочетающей самые дефицитные качества современного человечества: творчество, склонность к технологиям, гуманизм и мессианство. Главным сегодня становится наличие воли, единственно способной повернуть этот ключ – не только для себя, но для всего человечества.

Трансформация личности

Психологи отмечают большую пластичность структуры личности у молодых людей, сформировавшихся под интенсивным воздействием хаотичных потоков информации (в интернете и, особенно, – в социальных сетях). Новое поколение существенно легче, чем предшествующие, меняет своё мнение, точку зрения и базовые представления (включая представления о добре и зле), менее готово их отстаивать и склонно применяться к меняющимся обстоятельствам, а не пытаться изменить или хотя бы понимать их.

Способности к логическому мышлению и восприятию содержательной информации существенно ослаблены; можно сказать, что формирующиеся в информационную эпоху люди меньше управляются знаниями и волей и больше – эмоциями и настроениями, которые они во многом черпают из социальных сетей.

Люди информационной эпохи склонны, в том числе и совершенно осознанно, приносить в жертву свои интересы, даже самые насущные и неотъемлемые, ради получения новых эмоций. Сенсорное голодание, ещё четверть века назад бывшее болезнью заключённых и руководителей, стало нормальным состоянием жителей крупных, а часто и средних городов.

Это делает новые поколения более манипулируемыми и менее сознательными, чем прошлые. Трагедия Украины показывает, что Россия существенно отстаёт от своих противников на Западе в сфере применения социального инжиниринга, поэтому данные изменения структуры человеческой личности в рамках межгосударственной и межцивилизационной конкуренции будут использоваться (и уже используются) не столько нами, сколько против нас.

Вероятно, главным вызовом современному человечеству является феномен “информационного кокона”: социальные сети, стремясь к удержанию внимания пользователя, предоставляют ему лишь комфортную для него информацию. В результате человек информационной эпохи не просто утрачивает связь с реальностью (так как видит в информационном пространстве только комфортные для себя её элементы, вплоть до заведомо выдуманных), но и лишается стимула к развитию. При всей несводимости множества индивидов к образуемому ими обществу исчезновение стимула к развитию индивидов может грозить аналогичным эффектом и деградацией и обществу в целом.

Завершение глобализации

На глобальных рынках сложились глобальные же монополии, которые, загнав, разрывают их на макрорегионы. После обострения кризиса в 2008 году из всей “большой двадцатки” лишь Россия не усиливала протекционизм, но, если из всей роты в ногу идёт лишь один поручик, его приводят в норму – не мытьём, так санкциями.

Экономическая взаимозависимость США и Китая не сдержит их конфликт так же, как взаимозависимость Великобритании и Германии не предотвратила Первую мировую, прервавшую прошлый этап интеграции.

Распад глобальных рынков на макрорегиональные сорвёт мир в глобальную депрессию. Катализатором станет военное столкновение Китая с США, ожидаемое некоторыми китайскими аналитиками в 2020–2021 годах, или повышение ставки ФРС (для уничтожения врага Трампа – глобальных финансовых спекулянтов), или реструктуризация госдолга США, но итог в принципе одинаков.

США оттягивали срыв в глобальную депрессию с 2001 года, запугивая спекулятивные капиталы расширением “зоны хаоса” и загоняя их в пирамиду своего госдолга. Это расширение заглохло, упершись в Россию и угрозу Третьей мировой войны, неизбежной при хаотизации одной из двух основных ядерных держав.

Либерализм как идеология превращения государства в инструмент эксплуатации своего народа глобальными монополиями надорвался в тщетных проектах Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств, отдававших споры государств с корпорациями на суд последних и приведших лишь к выходу Великобритании, испуганной готовностью евробюрократии на Трансатлантическое партнёрство, из Евросоюза.

Повысив производительность переходом от индустриальных к информационным технологиям, глобальный бизнес сделал ненужными для производства потребляемых человечеством благ огромные массы людей. Поскольку у глобального бизнеса нет социальной ответственности, они подлежат социальной (а в неразвитых странах – часто и физической) утилизации. Разрыв между потребляемым и производимым максимален у “среднего класса” Запада. Поэтому устранение “лишних людей” заключается в его обеднении, которое усиливает дефицит спроса (а с ним и протекционизм) и разрушает западную форму демократии.

Протест погибающего “среднего класса” становится протестом против доминирования убивающих его глобальных монополий и ведёт к восстановлению суверенитета государств в рамках создаваемых ими макрорегионов. Именно такова суть патриотической тенденции, которую обозначил президент Путин Валдайской речью 2013 года и воссоединением с Крымом и которая проявилась и в победе Трампа в США.

Распад глобальных рынков на макрорегионы означает конец современной модели глобального управления, основанной на доминировании глобальных монополий (прежде всего, финансовых спекулянтов) над национальными государствами, и современного либерализма, воспевающего эту модель как единственную и обслуживающего её в качестве идеологии.

Положение России в этих процессах двойственно и потому трагично.

Современная Россия – гибридное государство

В силу зависимости социально-экономического блока государства от уходящих глобальных спекулятивных монополий конфликт с Западом из-за организованного им переворота в Киеве и нашего воссоединения с Крымом привёл к формированию гибридного государства.

Внешняя, оборонная и во многом внутренняя политика переориентированы на суверенитет России и, соответственно, интересы народа. Социально-экономическая же политика “застряла” в 90-х и по нормам современного либерализма служит глобальным монополиям и их компрадорским прилипалам против народа.

Гибридность государства сложнее двоевластия, так как граница между системами ценностей проходит не только внутри структур, но и внутри личностей. Можно смеяться над патриотами, в паузах между речами о суверенитете воспевающими дачки в Финляндии, можно дивиться гордо идущим под санкции “офшорным аристократам”, но эти противоречия отражают реальность: граница между патриотизмом и либеральным предательством проходит внутри членов властной тусовки. Политический процесс пока заключается в движении этой границы: меньшинство уходит в либерализм, вычёркивая себя из России, большинство мучительно (поскольку это противоречит не только материальным интересам, но и социальным инстинктам из 90-х) дрейфует к патриотизму.

Но время инерционного дрейфа заканчивается: либеральная социально-экономическая политика уже не грабит, а уничтожает Россию в интересах глобальных спекулянтов.

Ведь жизненно важное для них расширение зоны хаоса требует разрушения нашей страны.

Кроме того, для бизнеса кризис – это время, когда он перестаёт получать привычные доходы и ради прибыли вынужден сокращать издержки. А поскольку самый сильный полевой командир продаёт нефть в разы дешевле самого слабого государства, сокращение издержек в отношении России требует замены государства стаями полевых командиров.

Поражение Клинтон ослабило реализующие эти стратегии структуры, но они никуда не исчезли, и в России тоже.

Истребление страны – движение к Смуте

Самая чудовищная ложь либералов – заимствованное из 90-х “нет денег” в то время, когда федеральный бюджет захлёбывается от них: на 1 декабря его резервы составили 7,5 трлн рублей. С 2004 года, когда их начали копить, на них можно было уже построить новый мир, не то что модернизировать страну.

Но у либералов другая задача: поддержка финансовых систем Запада в интересах глобальных монополий. Поэтому “заначка” (около 2,6 трлн рублей) хранится в рублях, а остальное – в виде основной части Фонда национального благосостояния – по-прежнему выведено на Запад, на благо стран, развязавших против России пока холодную войну.

В регионах же и муниципалитетах организован чудовищный бюджетный кризис, уничтожающий социальную и производственную сферу как таковую (ибо вынужденный любой ценой найти деньги на выживание региона налоговик начинает относиться к предпринимательству по лагерному принципу “умри ты сегодня, а я завтра”).

Ситуация усугубляется фактическим запретом на развитие, выраженным в проценте по кредиту, превышающем рентабельность большинства отраслей, и в отказе от ограничения финансовых спекуляций. Последнее необходимо для любой финансовой системы на уровне зрелости современной российской: не сделавшие это вовремя страны не имели шансов стать развитыми, так как направляемые на развитие деньги, как осенью 1992 года, убежали на спекулятивные рынки.

Либералы не могут ограничить финансовые спекуляции, так как служат глобальным финансовым спекулянтам (а их поставившие на Трампа глобальные противники не представлены в сформировавшемся “под крылом” Клинтона социально-экономическом блоке нашего государства). Кроме того, развитие колонии неприемлемо для глобальных монополий, так как может породить конкуренцию с ними.

Зато им нужна коррупция: коррупционеры не менее эффективно, чем правительство Медведева и Банк России Набиуллиной, выводят из страны её активы, превращая их в ресурс глобальных монополий. Поэтому антикоррупционные истерики сопровождаются смягчением наказания за коррупцию вплоть до возможности откупиться за выявленные взятки за счёт не выявленных.

Квинтэссенция либеральной социально-экономической политики в итоге – даже не ограбление людей, а разрушение самой их жизни. По данным Росстата, 19,2 млн человек в III квартале 2017 года имело доходы ниже прожиточного минимума, то есть медленно умирало, но правительство Медведева отрицает саму возможность помощи бедным. В то же время регрессивное обложение доходов (по принципу “чем человек беднее, тем больше он должен платить”) и административный террор вытеснили в “тень” до 30 млн россиян! Падение доходов и потребления усугубляется кредитной кабалой, коллекторским террором и ростом поборов, включая грабительское обложение недвижимости (которое увеличится в 5 раз за 4 года) и произвольный (разница в ставках Москвы и Санкт-Петербурга – 7,5 раза) “сбор на капремонт”.

Демографический ущерб либеральных реформ (не родившиеся и досрочно умершие с учётом миграции), по оценкам, выше последствий войны: 21,6 млн человек (на 2016 год) против 17 млн (на 1946 год). А рост рождаемости во многом обеспечивается слабо интегрирующимися мигрантами, что разрушает наше общество.

Уничтожение образования либералами порождает отсутствие способных к труду людей и массовую неадекватность. Уничтожение здравоохранения ведёт к росту смертности и падению трудоспособности.

Отчаяние и безысходность, в которые погружены целые регионы России, непредставимы для мегаполисов.

Кажущаяся глупость российских либералов вызвана коренным разрывом между целями, которые они вынуждены декларировать в силу своего положения в государстве, и реальными целями глобальных монополий, которым они служат.

В их поведении нет и предательства, как нет его в поведении Штирлица: у них иная идентичность. Вольно или невольно, их политика ведёт Россию к обрушению в Смуту, которое может совпасть со срывом мира в глобальную депрессию.

Однако неумеренное движение к распаду глобального рынка и порождаемый им крах либеральной идеологии превращает привыкших к своей непогрешимости и безнаказанности либералов в куриц с отрубленными головами: они ещё бегают и пачкают, но уже никого не могут склевать.

Оздоровление государства – условие выживания

Сохранение гибридного характера государства до момента срыва мира в глобальную депрессию означает его разрушение и погружение страны в новую Смуту, в которой Россия станет полем борьбы других цивилизаций, а русская цивилизация может погибнуть.

Единственный путь гарантированного выживания – возвращение государства на службу народу, то есть завершение не столько “Крымской”, сколько русской весны.

В этом отношении консерватизм в эпоху постмодерна стал прогрессивной революционной силой, а либерализм давно выродился в самую чёрную реакцию.

С точки зрения развития человеческой цивилизации сегодняшний либерализм, требующий от государства службы не своему народу, а прямо враждебному этому народу глобальному бизнесу, решает ту же задачу, которую в 30-е годы прошлого века решал фашизм.

Фашизм был социально-политическим инструментом, которым крупнейший капитал индустриальной эпохи, тесно сросшийся с государством, обеспечивал покорность и даже энтузиазм масс разоряемых им ради своей прибыли мелких буржуа и весьма серьёзно ограничиваемых в правах и потреблении рабочих и крестьян.

К настоящему времени крупнейший капитал принципиально изменился: он стал глобальным, подчинив и вобрав в себя большинство даже крупнейших государств (включая США), и стал финансово-спекулятивным, освободившись от обязанностей по организации и поддержанию производства. Освободившись от обязанностей перед народами и производственными процессами, он стал качественно более разрушительным и в настоящее время завершает ликвидацию среднего класса, который оказался лишним в “дивном новом мире”: слишком много потребляет, слишком мало производит.

Чтобы обеспечивать покорность и энтузиазм разоряемых масс на новом этапе развития, обновлённый капитал взял на вооружение идеологию либерализма, проповедующую превосходство над “унтерменшами” уже не по национальному, а по социальному признаку. Теперь истреблению (причём не печами Освенцима, а более эффективно – нищетой, безысходностью и искусственно разжигаемыми формально гражданскими войнами) подлежат уже не евреи и славяне, а “недостаточно креативные” народы и целые континенты, не представляющие интереса для глобального бизнеса. И с этой точки зрения российскому “ватнику”, “реднеку” американского Среднего Запада и негру чёрной Африки уготована одна и та же участь, разница лишь в сроках и нюансах.

78 лет назад наши деды и прадеды спасли нас от этой участи.

Вчера и сегодня наши отцы и мы оказываемся бессильны спасти от неё своих детей.

Именно поэтому значительная часть России считает либеральные реформы большим злом, ведущим к большему ущербу, чем нашествие Гитлера.

На практике овладение народа государством и тем самым его спасение из-под контроля глобальных монополий выражается в модернизации инфраструктуры, создающей новую страну на основе технологий завтрашнего дня. Для этого нужно ограничение коррупции, финансовых спекуляций и произвола монополий, сознательный протекционизм хотя бы на уровне Евросоюза, гарантирование прожиточного минимума, а затем растущих социальных стандартов, восстановление здравоохранения и образования, преодоление пенсионного кризиса и теневой экономики введением нормальной, прогрессивной шкалы обложения доходов.

Возвращение от либеральных реформ к нормальности требует нормализации государства – мозга и рук общества. Такая нормализация упрощается по мере углубления глобального кризиса, но он оставляет нам всё меньше времени на жизненно необходимую подготовку к срыву в глобальную депрессию.